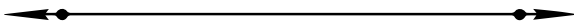


АНДРЕВСКИЙ С.А. • АЛЕКСАНДРОВ П.А. • КАРАБЧЕВСКИЙ Н.П.
КОНИ А.Ф. • ПЛЕВАКО Ф.Н. • СПАСОВИЧ В.Д. • ХАРТУЛАРИ К.Ф.



Судебные речи великих русских юристов



Москва

УДК 34(47)(091)
ББК 67.5
К64

Кони, Анатолий Федорович.

К64 Судебные речи великих русских юристов / А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако. — Москва : Эксмо, 2026. — 432 с. — (Серия «Юридическая мысль»).

ISBN 978-5-04-238095-2

Подарочное издание содержит судебные речи знаменитых русских юристов: А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако и других, менее известных широкой публике. В книгу вошли избранные речи с пояснительным вступлением по сути судебного дела, а также краткими биографическими сведениями о каждом из выдающихся судебных ораторов. Открывает книгу статья легендарного А. Ф. Кони, посвященная технике подготовки любого публичного выступления.

УДК 34(47)(091)
ББК 67.5

ISBN 978-5-04-238095-2

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026




Предисловие



Ораторское мастерство с античных времен ценилось в обществе не менее других искусств. Владение речью, позволяющее покорить аудиторию, считалось благородным талантом. Искусство судебной речи — особенное, ведь в суде вершатся судьбы и утверждается справедливость, и здесь ответственность оратора необыкновенно велика. Русские юристы — адвокаты, прокуроры и судьи — оставили потомкам великолепные образцы судебных речей, которые и теперь остаются интересными и нужными все новым и новым поколениям.

Адвокатура, родившаяся в результате судебной реформы 1864 года, буквально сразу оказалась представлена выдающимися юристами. Почему в России в последней четверти XIX века как-то вдруг проявилось столько талантов, оставивших потомкам такое богатое наследие? Это произошло благодаря судебной реформе, которая, наряду с освобождением крестьян и земской реформой, в короткий срок совершенно преобразила общественную жизнь страны.

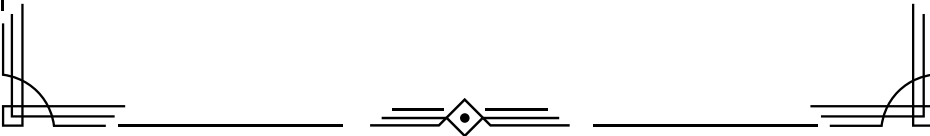
Судебными уставами 1864 года утверждались новые, современные принципы судопроизводства. От инквизиционного, закрытого, сословного суда Россия переходила к состязательному, открытому, всесословному и независимому (благодаря несменяемости судей) судопроизводству. В состязательном процессе защита и обвинение стали в положение равноправных процессуальных оппонентов, которые



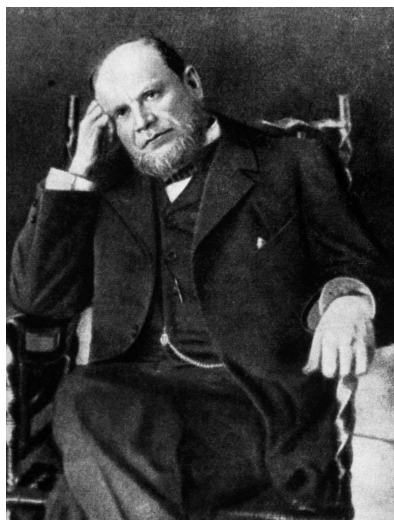
должны были убедить судью (или присяжных) в своей правоте.

Так судебная реформа изменила и суд, и судебный процесс, создала саму адвокатскую профессию, благодаря чему прекрасно образованные российские юристы получили наконец необъятное поле для деятельности там, где еще недавно царила мертвящая казенная рутина.

В этом сборнике представлены некоторые из блестящих образцов судебного красноречия великой эпохи становления и пышного расцвета русской присяжной адвокатуры, вошедшие в сокровищницу отечественной юриспруденции.



А. Ф. Кони



Анатольий Федорович Кони (1844–1927 гг.) — это имя наверняка знает даже весьма далекий от юриспруденции человек. А. Ф. Кони вошел в историю как выдающийся юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор¹, судебный оратор. Его заслуги были по достоинству оценены: ему был присвоен чин действительного тайного советника, он являлся членом Государственного совета Российской империи (1907–1917 гг.), имел звание Почетного академика Санкт-Петербургской академии наук по разряду изящной словесности (1900 г.), ученую степень доктора уголовного права Харьковского университета (1890 г.), ученое звание профессора Петроградского университета (1918–1922 гг.).

¹ А. Ф. Кони — автор произведений «На жизненном пути», «Судебные речи», «Отцы и дети судебной реформы», биографического очерка «Федор Петрович Гааз», многочисленных воспоминаний о коллегах и деятелях российской культуры.

Родившись в интеллигентной семье и получив хорошее домашнее начальное образование, он продолжил обучение, поступив в четвертый класс Второй Санкт-Петербургской гимназии, к этому моменту уже в совершенстве владея французским и немецким языками и занимаясь переводами литературных произведений. Гимназию А. Ф. Кони окончил с семью похвальными грамотами и в мае 1861 года сдал экзамены на математическое отделение Санкт-Петербургского университета. На экзамене по тригонометрии его ответы на сложные вопросы сверх программы так восхитили экзаменатора — академика О. И. Сомова, что он готов был немедленно на руках отнести чудо-абитуриента, чтобы представить его ректору.

Однако вскоре, в декабре того же года, столь блестяще начатое обучение неожиданно прервалось: университет был закрыт на неопределенное время из-за студенческих волнений и беспорядков. Чтобы продолжить образование, А. Ф. Кони переехал в Москву и поступил сразу на второй курс Московского университета, но не на математический, а на юридический факультет.

С блеском закончив университет и получив ученую степень кандидата прав, в 1865 году А. Ф. Кони начал юридическую карьеру, отказавшись от предложения остаться в университете, поскольку считал неправильным преподавать, не имея практического профессионального опыта.

Некоторое время прослужив на юридической должности в Главном штабе Военного министерства, он, чувствуя непреодолимое влечение к судебной работе, в апреле 1866 года перешел в Санкт-Петербургскую судебную палату на должность помощника секретаря по уголовному департаменту и в последующие годы сменил несколько должностей в разных городах. В Санкт-Петербург А. Ф. Кони возвратился через 6 лет, в 1871 году, и уже прокурором Санкт-Петербургского окружного суда.

В этой должности он работал более четырех лет, в течение которых руководил расследованием наиболее сложных уголовных дел и выступал обвинителем в суде. Именно

в это время А. Ф. Кони приобрел широкую известность как судебный оратор, его обвинительные речи печатались в газетах.

Вскоре в его судьбе произошел резкий поворот: в июле 1875 года он был назначен вице-директором департамента министерства юстиции и вновь вернулся к судебной работе лишь в январе 1878 года — уже в должности председателя Санкт-Петербургского окружного суда.

И сразу — серьезнейшее испытание профессиональной чести. 24 января 1878 года В. И. Засулич пыталась убить выстрелами из пистолета петербургского градоначальника Трепова. Преступление вызвало широкий резонанс, причем в обществе преобладало сочувствие к террористке. По этой причине следствие по делу велось в быстром темпе, с исключением всякого политического мотива; уже к концу февраля дело было готово к передаче в суд. А. Ф. Кони получил распоряжение министра юстиции графа К. И. Палена назначить дело к рассмотрению на 31 марта. Министр юстиции и сам император Александр II требовали от А. Ф. Кони как только что назначенного председателя Санкт-Петербургского окружного суда гарантий, что В. И. Засулич будет признана виновной. Анатолий Федорович таких гарантий не дал. Тогда министр юстиции предложил ему намеренно допустить в ходе процесса какое-либо нарушение закона, чтобы была возможность отменить решение в кассационном порядке. На это А. Ф. Кони ответил:

«Я председательствую всего третий раз в жизни, ошибки возможны и, вероятно, будут, но делать их сознательно я не стану, считая это совершенно несогласным с достоинством судьи!»².

Как известно, в процессе под председательством А. Ф. Кони революционерка В. Засулич была оправдана присяжными, но для него самого с этого вердикта начались

² Высоккий С. А. Кони. — М.: Молодая гвардия, 1988. — (Жизнь замечательных людей). С. 134.

годы опалы. Потом, через много лет, будут еще и высокие чины, и звания, но, отказывая императору, судья не мог этого знать, зато он точно знал, что неминуемо попадет в немилость, последствия которой неизвестны, и сделал свой выбор — выбор в пользу Правосудия.

Сборник открывает небольшая, полезная при подготовке любого публичного выступления работа А. Ф. Кони «Советы лекторам».

СОВЕТЫ ЛЕКТОРАМ

§1. Необходимо готовиться к лекции; собрать интересное и важное, относящееся к теме — прямо или косвенно, составить сжатый, по возможности, полный план и пройти по нему несколько раз. Еще лучше — написать речь и, тщательно отделив ее в стилистическом отношении, прочитать вслух.

Письменное изложение предстоящей речи очень полезно начинающим лекторам и не обладающим резко выраженной способностью к свободной и спокойной речи.

План должен быть подвижным, то есть таким, чтобы его можно было сокращать без нарушения целого.

§2. Следует одеться просто и прилично. В костюме не должно быть ничего вычурного и кричащего (резкий цвет, необыкновенный фасон); грязный, неряшливый костюм производит неприятное впечатление. Это — важно помнить, так как психическое действие на собравшихся начинается до речи, с момента появления лектора перед публикой.

§3. Перед каждым выступлением следует мысленно пробегать план речи, так сказать, всякий раз приводить в порядок имеющийся материал. Когда лектор сознает, что хорошо помнит все то, о чем предстоит сказать, то это придает ему бодрость, внушает уверенность и успокаивает.

§4. Лектору, в особенности начинающему, очень мешает боязнь слушателей, страх от сознания, что речь окажется неудачной, то тягостное состояние души, которое хорошо знакомо каждому выступающему публично: адвокату, певцу, музыканту и т. д. Все это, с практикой, исчезает в значительной мере, хотя некоторое волнение, конечно, бывает всегда.

Чтобы меньше волноваться перед выступлениями, надо быть более уверенным в себе, а это может быть только при лучшей подготовке к лекции. Чем лучше владеешь предметом, тем меньше волнуешься. Размер волнения обратно пропорционален затраченному на подготовку труду или, вернее, результату подготовки. Невидимый ни для кого предварительный труд — основа уверенности лектора. Эта уверенность тотчас же повысится во время самой речи, как только лектор почувствует (а почувствует он непременно и вскоре же), что говорит свободно, толково, производит впечатление и знает все, что еще осталось сказать.

Когда спросили Ньютона, как он открыл закон тяготения, великий математик ответил: «Я об этом много думал». Другой великий человек — Альва Томазо Эдисон сказал, что в его изобретениях было 98 процентов «потения» и 2 процента «вдохновения».

Многим известно, во что обходился «перл создания» нашему Гоголю: до восьми переделок начальных редакций! Итак, страх лектора уменьшается подготовкой и практикой, то есть тем же трудом.

В уменьшении страха перед слушателями играют большую роль и те счастливые минуты успеха, которые, нет-нет, да и выпадают на долю не совсем плохого или только порядочного лектора.

§5. Начинать речь с обращения: «Товарищи». Можно построить начальную фразу и так, чтобы эти слова были в середине: «Сегодня, товарищи, вам предстоит...».

§6. Говорить следует громко, ясно, отчетливо (дикция), немонотонно, по возможности выразительно и просто. В тоне должна быть уверенность, убежденность, сила. Не должно быть учительского тона, противного и ненужного взрослому, скучного — молодежи.

§7. Тон речи может повышаться (то, что в музыке *crescendo*), но следует вообще менять тон — повышать и понижать его в связи со смыслом и значением данной фразы и даже отдельные слова (логическое ударение). Тон подчеркивает. Иногда хорошо «упасть» в тоне: с высокого, вдруг перейти на низкий, сделав паузу. Это «иногда» определяется местом в речи. Говоришь о Толстом, — и первая фраза об его «уходе» может быть сказана низким тоном; этим сразу подчеркивается величие момента в жизни нашего великого писателя.

Точных указаний делать по этому вопросу нельзя: может подсказать чутье лектора, вдумчивость. Следует помнить о значении пауз между отдельными частями устной речи (то же, что абзац или красная строка в письменной). Речь не должна произноситься одним махом; она должна быть речью, живым словом.

§8. Жесты оживляют речь, но ими следует пользоваться осторожно. Выразительный жест (поднятая рука, сжатый кулак, резкое и быстрое движение и т. п.) должны соответствовать смыслу и значению данной фразы или отдельного слова (здесь жест действует заодно с тоном, удваивая силу речи). Слишком частые, однообразные, суетливые, резкие движения рук неприятны, приедаются, надоедают и раздражают.

§9. Не расхаживать по сцене, не делать однообразных движений, например покачиваний с ноги на ногу, приседать и т. п.

§10. Полезно всматриваться в отдельные группы слушателей (особенно в маленьких аудиториях, комнатах): слушатели смотрят на лектора, и им приятно, если лектор

посмотрит на них. Этим привлекается внимание и завоевывается расположение к лектору. У лектора не должно быть одной какой-то точки, к которой привлекается во все время речи его взор.

§11. Лектор должен быть в достаточной мере освещен: лицо говорит вместе с языком.

§12. От лектора требуется большая выдержка и умение владеть собою при всех неблагоприятных обстоятельствах. Никакие отвлекающие причины не должны на него действовать (бинокли, газеты, поворачивания, шорох, плач ребенка, лай случайно забравшейся собаки). Лектор должен делать свое дело. Указанные мелочи (их можно насчитать с десятков), между которыми есть и действующие на самолюбие, с практикой, психически не будут оказывать влияния, к ним лектор привыкает.

§13. В случае резкого шума — призвать к тишине и продолжать речь. Если перед началом речи можно предположить, что будет шумно, если видно, что публика нервна, самую речь начать с призыва к тишине, а в этот призыв полезно включить одну-две фразы завлекающего характера.

§14. Избегать шаблона речи, он особенно опасен в начале и в конце. Публика подмечает все, и шаблон может быть поводом к какой-нибудь неожиданной выходке, например, шаблонно начатую лектором фразу закончит кто-нибудь в рядах и опередит лектора. Шаблон — совершенно недопустимое зло во всяком творчестве.

§15. Не применять в речи одних и тех же выражений, даже одних и тех же слов на близком расстоянии. Флобер и Мопассан советовали не ставить в тексте одинаковых слов ближе, чем на 200 строк.

§16. Форма речи — простая, понятная. Иностраный элемент допустим, но его следует тотчас же объяснить, а объяснение должно быть кратким, начеканенным; оно не

должно задерживать надолго движение речи. Лучше не допускать трудно понимаемых ироний, аллегорий и т. п.; все это не усваивается неразвитыми умами, пропадает зря, хорошо действует простое наглядное сравнение, параллель, выразительный эпитет.

§17. Лирика допустима, но ее должно быть мало (тем она ценнее). Лирика должна быть искренней, как и вся речь вообще. Все же или почти все должно быть в форме и содержании речи, — вот почему предварительная подготовка и выработка плана так важны и необходимы.

§18. Элемент трогательного, жалостливого может быть в речи, но чтобы «трогательное» действительно «трогало» сердце, надо о трогательном говорить спокойно, холодно, бесстрастно: ни голос не должен дрожать, ни слеза слышаться, не должно быть никакого внешнего притока трогательности, от этого получается контрастный фон: черные линии сливаются с черным фоном, а на белом выступают резко. Так и с трогательным.

Например, читать сцены казни Остапа надо протокольно, сухо, холодно, стальным крепким голосом и изменить его там, где нельзя уже не изменить: описание страданий казаков и Остапа и возглас его: «Батько! Слышишь ли ты все это?!».

§19. Чтобы лекция имела успех, надо:

1. завоевать внимание слушателей и
2. удержать внимание до конца речи.

Привлечь (завоевать) внимание слушателей — первый ответственный момент в речи лектора — самое трудное дело. Внимание всех вообще (ребенка, невежды, интеллигента и даже ученого) возбуждается простым интересным (интересующим) и близким к тому, что наверно переживал или испытал каждый. Значит, первые слова лектора должны быть чрезвычайно просты, доступны, понятны и интересны

(должны отвлечь, зацепить внимание). Этих зацепляющих «крючков» — вступлений может быть очень много: что-нибудь из жизни, что-нибудь неожиданное, какой-нибудь парадокс, какая-нибудь странность, как будто не идущая ни к жесту, ни к делу (но на самом-то деле связанная со всею речью), неожиданный и неглупый вопрос и т. п. Большинство людей занято пустой болтовней или легкими мыслями. Своротить их внимание в свою сторону всегда можно.

Чтобы открыть (найти) такое начало, надо думать, взвесить всю речь и сообразить, какое из указанных выше начал и однородных с ними, здесь не помеченных, может подойти и быть в тесной связи хоть какой-нибудь стороной с речью. Эта работа целиком творческая.

Пример первый. Надо говорить о Калигуле, римском императоре. Если лектор начнет с того, что Калигула был сыном Германика и Агрипины, что родился в таком-то году, унаследовал такие-то черты характера, так-то и там-то жил и воспитывался, то... внимание вряд ли будет зацеплено. Почему? Потому что в этих сведениях нет ничего необычного и, пожалуй интересного для того, чтобы завоевать внимание. Давать этот материал все равно придется, но не сразу надо давать его, а только иногда, когда привлечено уже внимание присутствующих, когда оно из рассеянного станет сосредоточенным. Стоять можно на подготовленной почве, а не на первой попавшейся случайной. Это — закон.

Первые слова и имеют эту цель: привести собравшихся в состояние внимания. Первые слова должны быть совершенно простыми (полезно избегать в этом моменте сложных предложений, хороши простые предложения). Можно начать так: «В детстве я любил читать сказки. И из всех сказок на меня особенно сильно влияла одна (пауза): сказка о людоеде, пожирателе детей. Мне, маленькому, было крайне жалко тех ребят, которых великан-людоед резал, как поросят, огромным ножом и бросал в большой дымящийся котел. Я боялся этого людоеда, и когда темнело в комнате, думал, как бы не попасться к нему на обед. Когда же я вы-

рос и кое-что узнал, то...» далее следуют переходные слова (очень важные) к Калигуле и затем речь по существу. Скажут: причем тут людоед? А при том, что людоед — в сказке и Калигула — в жизни — братья по жестокости.

Разумеется, если лектор не выдвинет в речи о Калигуле его жестокости, то не нужен и людоед. Тогда надо будет взять другое для завоевания внимания. Оригинальность начала интригует, привлекает, располагает ко всему остальному; напротив того, обыкновенное начало принимается вяло, на него нехотя (значит неполно) реагируют, оно заранее определяет ценность всего последующего.

Пример второй. Надо говорить о Ломоносове. Во вступлении можно нарисовать (кратко — непременно кратко, но сильно!) картину бегства в Москву мальчика-ребенка, а потом: прошло много лет. В Петербурге, в одном из старинных домов времен Петра Великого, в кабинете, уставленном физическими приборами и заваленном книгами, чертежами и рукописями, стоял у стола человек в белом парике и придворном мундире и объяснял Екатерине II новые опыты по электричеству. Человек этот был тот самый мальчик, который когда-то бежал из родного дома темною ночью.

Здесь действует на внимание простое начало, как будто не относящееся к Ломоносову, и резкий контраст двух картин.

Внимание непременно будет завоевано, а дальше можно вести речь о Ломоносове по существу: поэт, физик, химик...

Пример третий. Надо говорить о законе всемирного тяготения. Принимая во внимание все предшествовавшее о вступлении, о первых словах лектора для завоевания внимания, и эту лекцию можно было бы начать так. «В Рождественскую ночь 1642 года, в Англии, в семье фермера средней руки была большая сумятица. Родился мальчик такой маленький, что его можно было выкупать в пивной кружке». Дальше несколько слов о жизни и учении этого

мальчика, о студенческих годах, об избрании в члены королевского общества и, наконец, имя самого Ньютона. После этого можно приступить к изложению сущности закона всемирного тяготения. Роль этой «пивной кружки» — только в привлечении внимания. А откуда о ней узнать? Надо читать, готовиться, взять биографию Ньютона...

Как привлечь внимание и через это подействовать на волю, превосходно пояснено в рассказе А. П. Чехова «Дома» (прием тот же, что и здесь).

Начало должно быть в соответствии с аудиторией, знание ее необходимо. Например, начало лекции о Ломоносове не подошло бы к аудитории интеллигентной, так как с первых же слов все догадались бы, что речь идет именно о Ломоносове, и оригинальность начала превратилась бы в жалкую искусственность.

Вторая задача лектора — удержать внимание аудитории. Раз внимание возбуждено вступлением, надо хранить его, иначе перестанут слушать, начнется движение и, наконец, появится та «смесь» тягостных признаков равнодушия к словам лектора, которая убивает всякое желание продолжать речь. Удержать и даже увеличить внимание можно:

- 1) краткостью,
- 2) быстрым движением речи,
- 3) краткими освежающими отступлениями.

Краткость речи состоит не только в краткости времени, в течение которого она произносится. Лекция может идти целый час и все-таки быть краткой; она же при 10 минутах может казаться длинной, утомительной.

Краткость — отсутствие всего лишнего, не относящегося к содержанию, всего того водянистого и засоряющего, чем обычно грешат речи. Надо избегать лишнего: оно расхолаживает и ведет к потере внимания слушателей. Чтобы из мрамора сделать лицо, надо удалить из него все то, что не есть лицо (мнение А. П. Чехова). Так и лектор ни под ка-

ким видом не должен допускать в своей речи ничего из того, что разжижает речь, что делает ее «предлинновенной», что нарушает второе требование: быстрое движение речи вперед.

Речь должна быть экономной, упругой. Нельзя рассуждать так: ничего, я оставлю это слово, это предложение, этот образ, хотя они и не особенно-то важны. Все неважное — выбрасывать, тогда и получится краткость, о которой тот же Чехов сказал: «Краткость — сестра таланта». Нужно делать так, чтобы слов было относительно немного, а мыслей, чувств, эмоций — много. Тогда речь краткая, тогда она уподобляется вкусному вину, которого достаточно рюмки, чтобы почувствовать себя приятно опьяненным, тогда она исполнит завет Майкова: словам тесно, а мыслям просторно.

Быстрое движение речи обязывает лектора не задерживать внимания в подходах к новым частям (новым вопросам — моментам) речи. Например, часто приходится слышать: «Что же касается до юмора Чехова, юмора крайне своеобразного, то о нем можно сказать следующее...».

Вместо этих нестоящих слов надо сказать: «Юмор Чехова отличается удивительной мягкостью и гуманностью».

Потом — закрепление примерами.

Краткие освежающие отступления нужны в большой (скажем, часовой) речи, когда есть полное основание предполагать, что внимание слушателей могло утомиться. Утомленное внимание — невнимание. Отступления должны быть легкими, даже комического характера, и в то же время стоять в связи с содержанием данного места речи. В маленькой речи можно обойтись и без отступлений: внимание может сохраниться хорошими качествами самой речи.

Конец речи должен закруглить ее, то есть связать с началом. Например, в конце речи о Ломоносове (см. выше) можно сказать: «Итак, мы видели Ломоносова мальчишкой-рыбаком и академиком. Где причина такой чудесной судьбы? Причина только в жажде знаний, в богатырском труде и умноженном таланте, отпущенном ему природой. Все это вознесло бедного сына рыбака и прославило его имя».

Разумеется, такой конец не для всех речей обязателен. Конец — разрешение всей речи (как в музыке последний аккорд — разрешение предыдущего; кто имеет музыкальное чутье — тот всегда может сказать, не зная пьесы, судя только по аккорду, что пьеса кончилась); конец должен быть таким, чтобы слушатели почувствовали (не только в тоне лектора, это обязательно), что дальше говорить нечего.

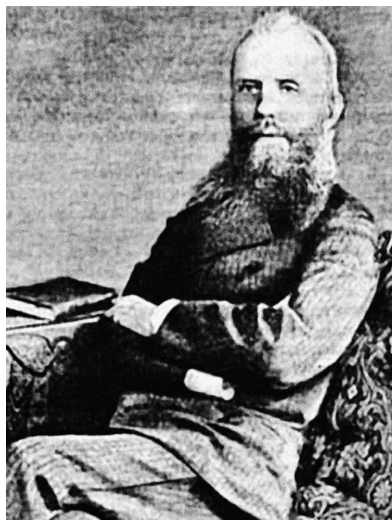
§20. Для успеха речи важно течение мысли лектора. Если мысль скачет с предмета на предмет, перебрасывается, если главное постоянно прерывается, то такую речь почти невозможно слушать. Надо построить план так, чтобы вторая мысль вытекала из первой, третья из второй и т.д., или чтобы был естественный переход от одного к другому.

Пример: черты характера Калигулы — жестокость, разврат, сомнение, расточительность. Если в рассказ о жестокости поместить черту расточительности (мысль перескочила!), а в рассказ о разврате — черту сомнения (мысль опять перескочила!), то получится отсутствие логического течения мысли. Это совершенно недопустимо. Средство против такого недостатка — обдуманый план и его точное исполнение. Естественное течение мысли доставляет, кроме умственного, глубокое эстетическое наслаждение. Об этом говорил и Пушкин.

Течение мысли подобно синему столбику термометра, а отступления черточкам, указывающим целое число градусов, но только не в такой равномерной последовательности.

§21. Лучшие речи просты, ясны, понятны и полны глубокого смысла. При недостатке собственной «глубокой мысли» позволительно пользоваться мудростью мудрых, соблюдая меру и в этом, чтобы не потерять своего лица между Лермонтовыми, Толстыми, Диккенсами...

П. А. Александров



Петр Акимович Александров (1838—1893 гг.), один из виднейших представителей русской дореволюционной адвокатуры, родился в Орловской губернии в семье мелкого священнослужителя. Несмотря на бедность семьи, П. А. Александрову удалось получить хорошее образование — в 1860 году он окончил юридический факультет Петербургского университета, после чего в течение 15 лет занимал различные должности в Министерстве юстиции.

В 1876 году после служебного конфликта, вызванного неодобрением начальства его заключения в суде по одному из дел, где он выступил в защиту свободы печати, вышел в отставку и в этом же году поступил в адвокатуру.

Как защитник П. А. Александров впервые обратил на себя внимание выступлением в известном политическом процессе «193-х». Дело слушалось в 1877—1878 гг. в Пе-

тербургском окружном суде при закрытых дверях, а в качестве защитников в процессе принимали участие лучшие силы петербургской адвокатуры. Вскоре в том же суде П. А. Александров выступил с самой знаменитой в русской истории речью в политическом процессе — речью в защиту Веры Засулич по обвинению в покушении на убийство Петербургского градоначальника Трепова. Эта речь принесла ему широкую известность не только в России, но и за рубежом, а подсудимая была оправдана коллегией присяжных.

Не менее ярко талант П. А. Александрова как адвоката и оратора проявился по делу Сарры Модебадзе. Осуществляя защиту четырех совершенно невиновных людей, понимая тот большой общественный резонанс, какой имел этот процесс, и свою роль в этом деле, он придал своей защитительной речи большое общественное звучание. Эта речь демонстрирует тщательную работу адвоката по делу, глубокое изучение всех его материалов, тонкое знание специальных вопросов, разбираемых на суде. Все это помогло П. А. Александрову успешно опровергнуть выводы экспертизы, на которых основывалось обвинение.

Представленная в этом сборнике речь П. А. Александрова по делу Нотовича — это яркое и смелое выступление адвоката в защиту свободы слова и печати.

«Чтобы понять и оценить речь Александрова, недостаточно было хватать на лету блестящие громкие фраз, нужно было ее слушать сосредоточенно, со вниманием и дослушать до конца... Чем дальше подвигалась вперед аргументация, чем глубже шел анализ изложенных в строго систематическом порядке мельчайших подробностей дела, тем более завладевал оратор вниманием аудитории. И когда закончилась речь, публика выражала сожаление о том, что так скоро закончилась она...»³. О сарказме Александрова говорили, что он как разрывная пуля убивает наповал.

³ Г. Джаншиев. Эпоха великих реформ. — СПб., 1907. С. 735.

Наиболее характерные черты судебного ораторского мастерства П. А. Александрова — твердая логика и последовательность суждений, умение тщательно взвешивать и определять место любого доказательства по делу, а также убедительно аргументировать и обосновывать свои важнейшие доводы. Он всегда стремился к упрощению речи, прилагал много усилий к тому, чтобы сделать ее доступной и понятной. Этим объясняется то, что его речи, как правило, отличаются грамматической правильностью, легкостью стиля, чистотой и ясностью языка. Главное же в его защитительных речах — сила убеждения, которая в сочетании с ораторским талантом обеспечивала ему успех во многих сложных уголовных делах.

Дело Веры Засулич

В. И. Засулич обвинялась в покушении на убийство Петербургского градоначальника генерала Трепова: 24 января 1878 г. она стреляла в него из пистолета. Обвинительной властью преступление Засулич квалифицировалось как умышленное, с заранее обдуманном намерением. Дело рассматривалось Петербургским окружным судом с участием присяжных заседателей 31 марта 1878 г.

Защитник П. А. Александров в своей речи раскрыл истинный мотив этого преступления — возмущение обвиняемой незаконными действиями генерала Трепова, отдавшего распоряжение высечь розгами содержавшегося в доме предварительного заключения политического подследственного Боголюбова. Поступок генерала Трепова широко обсуждался в печати, в различных общественных кругах он оценивался многими как жестокий акт насилия, произвола и надругательства над человеческой личностью, несовместимый с принципами гуманности. Выстрел В. Засулич прозвучал как выражение протеста против действий генерала Трепова со стороны прогрессивной общественности.